

## Художники России

Москва готовится к своему юбилею. Помолодевшая, яркая, приветливая, она примеряет новые наряды на своих площадях и улицах, на стремительных проспектах и в тихих переулках. И в каждом из них — история древней российской столицы. Запечатленная строками каменной летописи. В каждом — что-то свое, неповторимое.

Идя по залитому июльским солнцем городу, непременно встретишь — даже если и гость ты здесь, если проездом — знакомых тебе людей, составивших славу и честь родной Москве. Они словно так же, как и ты, спешили по делам, остановились на мгновение, залюбовались красотой Москвы, да так и остались стоять. Теперь уже на века... Достоевский и Гоголь, Крылов и Иван Федоров, Толстой и Пушкин...

Их много в нашем городе — великих граждан России. Остановимся сегодня у тех, что изваяны резцом коренного москвича, талантливого скульптора и прекрасного человека Олега Комова.

Знаю, что вы знакомы с его творениями, посвященными выдающимся сынам Отечества. А потому лишь напомним о них, для чего есть основательный повод: в эти дни Олегу Константиновичу исполнилось бы шестьдесят пять лет.

Он ушел из жизни, которую так вдохновенно воспевал, но остались с нами и Андрей Рублев, опершийся о черные доски, коим отдал душу свою и божественный дар; гениальный полководец Суворов, вознесший над просторной площадью в центре столицы; остались Гагарин и Королев, о чем-то беседующие негромко вдали от любопытных глаз...

А еще среди его «детей» — Пушкин в Долне, Пскове и Твере, Лермонтов в Тарханах, Чайковский в Воткинске, Венецианов в Вышнем Волочке, Репин на знаменитой «Академичке»...

Но сегодня, вспоминая Олега Комова, я хочу говорить не о том, что сделал его знаменитым мастером монументальной скульптуры, ибо об этом и сказано, и написано, и снято довольно много. Была у человека, дружба с которым дала мне так много, еще одна ипостась: он любил и умел рисовать пером, карандашом, шариковой ручкой — всем, чем угодно рукой.

Графика Комова — удивительный мир людей, с которыми сталкивала его жизнь, мир русских пейзажей, архитектурных композиций, набросков к будущим памятникам и к так называемой мелкой пластике.

Работы эти в большинстве своем замечательны и по замыслу, и по исполнению. Портреты — остро психологичны, глубоки и удивительно естественны. В них схвачены — несколькими штрихами — самые характерные черты модели. Говорю это так определенно, ибо многих героев комовских рисунков знал близко. Среди них — Борис Полевой, Иракий Андроников, Борис Ефимов... Да и сам не однажды позировал Олегу Константиновичу в его гостеприимной мастерской на Кастанаевской, где перебивала вся интеллигентная Моск-

ва и гости из десятков стран и городов, где всегда зазывно попыхивал самовар, а коли был случай — находилась и чарка.

Он рисовал твердыми, остро отточенными карандашами на больших листах планшета. Хмурился, закусывал губу, что-то бормотал про себя. И почти ничего не исправлял. Если то, что он делал, не нравилось по каким-либо причинам, бросал и начинал новый рисунок, изменив позу модели...

Мне сперва было как-то не по себе, что я сижу перед человеком, который создал выдающиеся памятники Пушкину и Щедрину, а теперь вот тратит время на какого-то провинциального журналиста (я жил тогда в Твере), но потом, увидев в папках, загромождавших студию Комова, портреты крестьянок, рабочих, врачей, строителей, охотников, понял, что настоящий художник в любой фигуре — исторической или современной — ищет

что-то свое, только ему ведомое. И тут совсем не важно, кто в данный момент перед ним.

Да, Комов — скульптор. Один из самых ярких и талантливых современных монументалистов, смело отказавшийся от «бронзы многопу-

дья» в пользу нормальных по размеру памятников, которые так естественно вписались и в плэнэр, и в городской пейзаж. Да, он — творец уникальной Пушкинианы, пространственный диапазон которой — от Твери до Мадрида. И дай Бог, чтобы поскорее встал в Москве — лучше всего на старом Арбате — памятник Александру Сергеевичу с молодой его женой Натальей Николаевной. Скажем, у первой их квартиры, где были они так счастливы, что этого счастья досталось почти два века спустя и нам, приходящим сегодня на то святое место, воспоеет — поистине с пушкинской силой! — другим, увы, недавно ушедшим поэтом...

Все это так. Но Олег Константинович Комов — истинный мастер графики. И ее надобно издать хорошим альбомом. Можно — отдельно. Лучше — вместе с воспоминаниями о мастере его коллег и друзей. Тем более что вдова Комова и сыновья бережно хранят каждый штрих художника.

Отбирая рисунки для этой публикации, я остановился на портрете Аркадия Райкина, который когда-то давно подарил мне в репродукции Олег Константинович. Решил узнать историю наброска, позвонил Нине Ивановне Комовой. И она рассказала, что восьмидесятые годы они с Олегом почти каждый год отдыхали на Рижском взморье. Там собиралась дружная компания москвичей и ленинградцев. И никто из них не отказывался посидеть часок на жарком песочке или в прохладном номере перед комовским импровизированным мольбертом. Однажды заглянул и великий артист в качестве простого отдыхающего...

И еще один рисунок — стоящие женщины — выбрал я для читателей «ВМ». Он прекрасен по ритму и богатству жеста, мастерству драпировки фигур... И все это — несколькими штрихами карандаша, чтобы потом стать бронзой, мрамором или гранитом, хранящим живое эхо времени, в котором всегда будет аукаться имя прекрасного художника.

## Вечное эхо

## Вспоминая Олега Комова



Женские фигуры